

25. *Penther-Buck B.* A Dynamic Logic of Action // *Journal of Logic, Language and Information*. 1994. № 3. P. 169–210.

26. *Pratt V. R.* Process Logic: Preliminary Report // *Proc. of the 6th Association for Computing Machinery (ACM) Symp. on Principles of Programming Language*. N. Y., 1977. P. 30–73.

27. *Pratt V. R.* Semantical Considerations on Floyd-Hoare Logic // *Proc. of the 17th Institute of electrical and electronics engineers (IEEE) Symp. on Foundations of Computer Science*. Houston, 1976. P. 109–121.

28. *Seegerberg K.* Applying modal logic // *Studia logica*. 1980. Vol. 39, № 2/3. P. 275–295.

29. *Wright G. H. von.* Norm and Action, A Logical Enquiry. L., 1963.

Рукопись поступила в редакцию 7 ноября 2013 г.

УДК 008 + 159.9 + 316.62

О. Л. Лейбович

КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНФЛИКТ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье идея культуры рассматривается как исследовательский инструмент, позволяющий изучать современное российское общество. В соответствии с антропологической традицией культура отождествляется с суммой технологий, освоенных и применяемых различными социальными группами. Автор показывает, что качественные различия между технологиями провоцируют социокультурный раскол в обществе, проявляющийся в том числе и на политическом уровне.

Ключевые слова: российское общество, культура, технологии, культурный шок, культурные разрывы.

Предварительные замечания. Примем тезис З. Баумана, согласно которому идея культуры является «...историческим изобретением, вызванным стремлением интеллектуально освоить бесспорный исторический опыт» [14, XIV]. Она появляется в ситуации, когда прежние объяснительные модели теряют свою продуктивность, будучи не в состоянии ответить на новые общественные вызовы.

«Предпосылками формирования культурологии были переоценки линейно-исторических (“историцистских”, в попперовской терминологии) и натуралистских концепций социального детерминизма, выявление многообразия типов рационального поведения, уникальной роли неповторимых культурных импульсов в выходе “экономического человека” на авансцену европейской истории и т. д.» [3, 368].

По своему происхождению концепция культуры тяготеет к практическому знанию. «Выяснение существа культуры, — размышляя о смысле философских дискуссий на эту тему З. И. Файнбург, — отнюдь не схоластические упражнения, а необходимый этап научного обоснования тех или иных элементов, сторон, направлений культурной политики, ранее зачастую довольство-

вавшейся лишь простым феноменологическим подходом к вопросам культуры и управления ею» [11, 25].

Для того чтобы культурологическое знание было востребованным, необходимы определенные условия: общественное согласие на тему признания действительных культурных проблем; специалисты, умеющие их исследовать; управленческие кадры, способные воспринять полученную информацию. Если какой-то из этих элементов отсутствует, идея культуры превращается в идеологический фантом. Она «...становится обширнейшим конгломератом, состоящим из разных “культур”, равновеликих по отношению друг к другу» [17, 171], или обозначает нечто высокое, достойное, исчезающее. «Культура — это нечто уникальное, то, что следует писать с большой буквы “К”» [15].

В таких условиях и формируются десятки определений культуры, некогда распределенных А. Кребером и К. Клакхоном по шести группам: (описательные, исторические, нормативные, психологические, структурные и генетические) [18].

Замещение концепции культуры ее фантомами обусловлено также вполне определенными интересами социальных и профессиональных групп, защищающих свой статус хранителей национальных традиций, социального порядка или универсальных «надмирных» ценностей. Складывается коалиция между людьми власти и традиционалистски ориентированными интеллектуалами, отстаивающими элитистское, аристократическое видение культуры [16]. В последние десятилетия отечественная культурология институализировалась как хранительница исторического наследия, как линия защиты перед интервенцией «чуждых» культурных форм, в конечном счете как особый вид традиционалистской идеологии и образовательной практики [12, 112–117].

Эвристический потенциал идеи культуры может быть востребован в современной отечественной ситуации, отмеченной высокой степенью социальной напряженности. За политическими конфликтами угадываются глубинные культурные противоречия, нуждающиеся в осмыслении. В таких условиях появляется потребность применения аналитических практик, заложенных в антропологическом концепте культуры.

Антропологический концепт культуры сложился в середине XX в. как продолжение и развитие исследовательских этнологических практик. Его ключевая идея сформулирована Л. Уайтом: «Мы можем представить культурную систему в виде трех горизонтальных слоев: технологический в основании, философский наверху, социальный между ними. Такая картина соответствовала бы их относительным ролям в культурном процессе. Технологическая система первична, она лежит в фундаменте. Социальные системы являются функциями от технологических; философские производны от производительных сил и отражают социальные отношения» [10, 100].

В отечественной гуманитарной традиции аналогичные идеи развивали Э. Маркарян и З. Файнбург.

Под культурой как антропологическим концептом понимается сумма технологий, освоенных и осмысленных людьми, принадлежащими к определенному обществу. По Э. Маркаряну, «культура — это специфически характерный

для людей способ деятельности, объективированный в различных продуктах результата этой деятельности» [6, 18] .

В обществе, дифференцированном по социальным критериям, взаимодействуют несколько культур. В мире с выраженной социальной стратификацией устанавливается иерархический порядок культур: некоторым присваивается титул «высокой культуры», «культуры духовной», «цивилизованности» и т. п.; другим — «культуры низовой», «массовой»; иным отказывают в звании культуры вообще, клеймят их «отсталостью», «бескультурьем» и пр. Прочитируем П. Бурдьё: «Господствующая культура вносит свой вклад как в действительную интеграцию господствующего класса (обеспечивая непосредственную коммуникацию между его членами и отличая его от всех других классов), так и в ложную интеграцию общества в целом, а следовательно, в демобилизацию (ложное сознание) подчиненных классов, а также в легитимацию установленного порядка с помощью установления различий (иерархий) и легитимацию этих различий» [1, 92]. Упорядоченность социальных технологий по определенному критерию определяется господствующим типом культуры.

Культура общества характеризуется свойством консервативности по отношению к иным структурным компонентам общества: его экономике, политике, предметному миру. Шаг культуры, по меткому замечанию З. И. Файнбурга, измеряется поколениями [12, 28–34]. Обновить культуру означает изменить видение мира, выработать новые ценностные ориентации, сформировать и принять нормы, разработать иные поведенческие модели. Трансформации такого масштаба запускаются только под воздействием зримого отказа прежних жизненных стратегий, жесткого конфликта между новыми условиями бытия людей и разученными алгоритмами поведения, в конечном счете — под влиянием разрушения социального порядка. Этот конфликт проявляется тем острее, чем более жесткую, неподвижную конструкцию образует культура вчерашнего дня, чем меньше в ней возможностей для появления корректирующих технологий, для принятия и переработки новых заимствованных извне правил. Впрочем, предпосылки новой культуры всегда созревают внутри старой: в виде появляющихся аттракторов для отдельных индивидов или целых групп, постепенного разложения норм, при которых отодвигается, а в иных случаях и стирается граница между должным и недопустимым. Одновременно складываются альтернативные стратегии поведения, подвергается сомнению иерархический порядок культур, оспариваются прежние оценки...

Культурная традиция — это смесь смутных чувствований и переживаний, сохранившихся в памяти, и современного экспертного знания о том, что из исторического прошлого следует признать наследием, социально значимым, ценным и укорененным, а что подлежит забвению. Традиция — всегда процесс интерпретации и в конечном счете конструирования истории. *Статус культурной традиции в социальных технологиях определяется тем, что она «рисует» картину мира, в котором действуют индивиды; формирует для них ценностные ориентации; производит отбор жизненных стратегий по степени их легитимности по отношению к прошлому.*

Смена культур сопровождается шоковыми ситуациями или, по-другому, крушением сложившегося, освященного традициями порядка; хаосом представлений о мире; абсурдностью практик; снижением и огрублением поведенческих норм. Содержательной характеристикой культурного шока служит хаотичное, спонтанное, тяготеющее к упрощению изменение моделей поведения сообществ и отдельных индивидов, сопровождающееся ростом насилия и ослаблением институализированных прежним укладом социальных связей [4, 267–276].

Можно предположить, что культурный шок представляет собой необходимый этап в динамике культур.

Динамика культуры — процесс вариативный, ни в коем случае не однолинейный, характеризующийся острейшими конфликтами, попятными движениями, асинхронностью и даже разнонаправленностью изменений. И если в нем можно обнаружить вектор прогресса, то следует учесть, что он скорее равнодействующая величина, спонтанно возникшая от сложения многочисленных разнородных факторов. Новый этап в культуре, даже если он ретроспективно и признан высшим, вовсе не означает, что все ее элементы превосходят предшествующие. На самом деле какая-то часть культуры просто наследуется, другая же переживает процесс деградации. Конвенционально определяется то направление культуры, которое признается и прогрессивным, и определяющим, принадлежащим к мейнстриму.

Современная культурная ситуация в России. Перейдем к анализу современной культурной ситуации в России. Ее содержание можно описать при помощи двух концептов: культурных разрывов, характеризующих тип взаимодействия между освоенными и разученными социальными технологиями, и генезиса новой культуры в условиях непреодоленного шока. Примем в качестве гипотезы, что *оба этих концепта не противоречат друг другу, более того, являются взаимодополняющими.*

Представим культурные разрывы, чей источник можно обнаружить в советском прошлом. Для характеристики советской культуры вполне применима метафора: социалистическая по форме, агрегатная по содержанию. В течение трех поколений общество принимало социалистическую идеологию с ее набором ценностей, нарративом, производными от нее ритуализированными практиками. Под новой оболочкой, однако, сохранились и воспроизводились самые архаичные образы мира, а с ними вульгарный экономизм, общинное сознание, нормативное поле подданничества и господства. Было бы упрощением описывать эту культурную ситуацию через призму противоречий между передовым мировоззрением и отсталым коллективным сознанием. На самом деле социалистические идеалы, выраженные в сугубо рациональной, более того, в научной форме, по своему содержанию были вместилищем древнейших представлений о мире и человеке.

Основной функцией идеологии можно считать процедуру примирения разных культур, «снятие» их пиковых значений, перевод не совпадающих друг с другом вербальных практик в единый дискурс, создание табуированных зон для рефлексии и повествования. Задача переработки коллективных

представлений в позитивное и популярное научное знание — именно на это претендовала социалистическая идеология — ею решена не была. Социалистическая идеология осталась покрывалом, под которым не только сохранялись, но воспроизводились и развивались самые разные культуры — от наиболее архаичных до модернистских, буржуазных по своей природе. Наиболее жизнеспособными, как выяснилось позже, были те элементы социалистической идеологии, за которыми угадывались тяга к патернализму, восходящий к общине образ имущественного равенства, языческие верования в земную справедливость владык, эсхатологические надежды на счастливый финал большой жизни и практики насильственного переустройства мира. Именно они формировали социальные технологии, принятые и освоенные советскими гражданами, или, иначе говоря, массовую социалистическую культуру в ее повседневном облики.

Повторим вслед за Б. Дубиним вопрос: «Что происходит с культурой после современного общества или общества, где модерн (как в обществе, где мы с вами живем) не состоялся или, точнее сказать, постоянно не “состаивается”, где его начаткам или осколкам постоянно не удается включиться в общий горизонт, в коллективную работу и развиваться дальше как процессу? Развиться так, чтобы в него втягивались разные группы, разные поколения и т. д. Так что еще большой вопрос (точнее — целая серия вопросов), в какой мере под нашими небесами правомерно говорить о модерне и современном обществе, а стало быть — об истории и культуре» [2]. Попробуем найти ему ответ.

Демонтаж идеологии освободил скрывавшиеся под ней силы, большей частью архаические. Другие ценности и нормы, связанные с индустриальным проектом, потеряли свою притягательность, были вытеснены наивным и грубым экономизмом. Социальные практики нового типа (стратегии поведения на рынке, адаптация к конкурентным отношениям, включение в политический процесс — пусть только в виде участия в избирательных кампаниях) были и остались отягощенными культурным шоком. Крушение социалистических институтов, растянувшееся на целое десятилетие, отразилось на мировосприятии нескольких поколений, сделало проблематичной процедуру самоидентификации, поколебало устои повседневности, лишило смысла освоенные поведенческие стратегии. В такой ситуации новая культура рождается в грубом, лишенном прежней эстетики виде. Ей присущи размытые, сниженные нормы, частично выстроенные по криминальным образцам; в мировосприятии представлены тяготеющие к архаике образы. В поведенческих практиках причудливо сочетаются черты советского прошлого, досоветских преданий и освоенные на собственном опыте стратегии.

Культура отечественного «постсоциализма» — это во многом культура примитивных, дописьменных, донучных социальных технологий, отсылающих к мифологическому мировосприятию. Вот показательные результаты опроса общественного мнения: 20 % респондентов доверяют науке, «...остальные 80 % допускают существование сверхъестественных сил. Нашлись и те, кто доверяет исключительно колдовству и магии» [9].

Парадоксальность ситуации можно увидеть в том, как социальные импульсы к модернизации общества повлекли за собой бунт против рациональности, «просьпание» архаичных паттернов восприятия мира и соответствующих им практик. Причем все это происходит в усложненной технологической среде, позволяющей индивиду в ручном режиме погружаться в причудливый мир фантазий, соединять друг с другом воображаемое и сущее, пребывать в одно и то же время в разных локусах освоенного им космоса, то есть жить в мифе, как и его наивные предки. Было бы преждевременным диагностировать победу архаики в современной культуре. Ей противостоят и житейские практики ориентирования в мире предпринимательства, труда и потребления, и властная культурная политика, нацеленная на реставрацию традиционалистских ценностей и поведенческих норм, и сохранившиеся научные и образовательные институты, и социальная память о ценности знаний, о былом статусе Просвещения.

Прибегнем к метафоре: панорамный вид современной отечественной культуры напоминает подтаявшую льдину в паутине разломов и разрывов — и между социальными сообществами, и между разными видами культуры. Процесс освоения новой культуры происходит неравномерно — на разных скоростях; на некоторых участках социального мира можно обнаружить попятное движение. Образовательные институты, призванные по своей социальной миссии направить культурные процессы по единому маршруту с четко определенными векторами, эту задачу не выполняют. Мы видим далеко не мирное сосуществование самых разных культур. *Сталкиваются между собой культура социалистическая, лишившаяся своей рационально-идеологической оболочки, и традиционалистская, едва прикрытая современными вербальными покровами; в конфликте участвуют архаические жизненные стратегии и грубо экономические социальные технологии. Наряду с ними появляются и элементы постмодернистской культуры.* В такой ситуации общество лишается единого языка. Социальные группы не в состоянии понять друг друга, найти возможность для компромисса, договориться об общих интересах. Происходит оукливание общества либо до атомизированных индивидов, либо до малых общин, созданных по этническому, конфессиональному, или корпоративному принципу. Метафора, заимствованная у К. Маркса: «Громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофеля образует мешок с картофелем» [7, 207–208], — здесь не работает. Клубни разнятся не только по размеру, но и по материалу — не столько даже по уровню доходов, сколько по освоенной культуре. Офис-менеджеры по условиям труда, разученным производственным технологиям, укладу городской жизни существенным образом отличаются от parcelных крестьян. Есть у них, однако, и нечто общее: принятие культуры подданничества в ее самой неприкрытой патриархальной форме, замыкание социальных связей в замкнутом пространстве профессионального общения, более того, трансляция своих желаний, ожиданий, мечтаний вовне — на национального лидера или вождя оппозиции.

Как и его исторический предшественник, новый человек находит свою идентичность в малых или мельчайших сообществах, часто воображаемых.

В переписи населения граждане России объявляли себя «эльфами», «гномами», «троеруссами». Чиновникам, ведающим статистикой, это показалось шуткой [13]. «Все эти “гномы” и “эльфы” порождены игровой стихией, заволаживающей наших современников, освоивших примитивные компьютерные технологии. Власть, в свою очередь, объединяет своих подданных при помощи телевизионных сигналов» [8, 304].

Для описания позиций участников современных политических конфликтов представляется более уместной метафора Гоббса: «*bellum omnem contra omnes*». Непонимание рождает фобии, и если воинственный дух не всегда проявляется в социальных конфликтах, то это происходит, скорее всего, только по той причине, что среди страхов, распространенных в обществе, значительным удельным весом обладает страх перед хаосом и беспорядком. Зато в виртуальном мире блогосферы и иных социальных сетей агрессивность в соединении с брутальностью создают особый эмоциональный фон нетерпимости, взаимных подозрений, угроз и пр.

Образы мира, в котором проживают наши соотечественники, не совпадают друг с другом, более того, они не совпадают и с историческим временем. Изменилась и технология конструирования образов: место книги все чаще занимает картинка — яркая, разноцветная, плоская. Она служит и ориентиром, и способом восприятия действительности. Коллективное сознание приобретает клиповый, или, по выражению Алексея Иванова, «пиксельный» характер. «Упрощенное, плоское штампованное мировоззрение, делающее своего носителя абсолютно адекватным происходящему вокруг. Такой тип мышления дает ответы на все возникающие вопросы. Короткие фразы — почти катехизис современной жизни. Страшно», — читаем в комментариях к роману «Блудо и мудо» [19].

Поставим вопрос, можно ли в такой ситуации описывать культуру отдельного индивида как сумму освоенных им технологий? Более правильным представляется интерпретировать ее как их агрегат — механическое соединение разных образов мира, поведенческих ориентаций, исключающих друг друга ценностей, не совпадающих поведенческих норм, рациональных и магических практик и пр. Распад культуры в ее исходной «клеточке» — в жизненном мире человека — является наиболее глубоким основанием современного кризиса отечественной культуры.

Интеллигенция, казалось бы, способная свести разные представления о мире в единое, непротиворечивое целое, произвести отбор культур, выстроить из них иерархические ряды, с этой цивилизаторской миссией не справляется. Она потерялась в современном, чуждом ей и недружелюбном мире, постепенно утрачивая свой моральный статус и экспертные функции. В интеллигентской среде рождаются и гибнут фантазмы самого разного происхождения — от утопии современного искусства, призванного сформировать постиндустриальную креативную культуру (мотто: «современное искусство — современные мозги»), до настойчивых призывов вернуться к благочестию Древней Руси.

В ситуации культурных расколов общество погружается в череду конфликтов, взаимных угроз, всеобщей подозрительности, латентной агрессивности.

ти и социального аутизма, что ставит под сомнение возможность культурной модернизации.

Если считать культурную модернизацию второочередной задачей, тогда оптимальным выходом представляется «замораживание» ситуации. Есть несколько общих символов, позволяющих нашим соотечественникам идентифицировать себя со страной: ее имя, президент, телевизионная картинка, кириллица, общие выходные дни. С помощью этих скреп можно собирать людей в воображаемое сообщество, не отличающееся, однако, ни крепостью уз, ни балансом интересов.

Возможны также две стратегии обновления культуры, апробированные историческим опытом XX столетия. Первая — внедрение «сверху» новых культурных образцов, взятых в готовом виде либо из доктринальных теорий, либо из «передового опыта» иных стран. Вторая предполагает «традиционализацию» новшеств, перевод их на язык национальной культуры. Обе стратегии не исключают культурные конфликты в самых разных формах, только в первом варианте сопротивление традиционалистов преодолевается репрессивными мерами, а во втором — компромиссами, поиском путей модернизации, доступных и привлекательных для различных сообществ. В любом случае обновление культуры возможно только в рамках большого Просвещенческого проекта, рассчитанного на все общество и продолжительностью в одно-два поколения.

Риски первой стратегии известны: отторжение большинством населения чужой культуры — даже в виде социального взрыва.

Риски второй стратегии коренятся в незрелости ее культурных предпосылок. Имеются в виду все дальше расходящиеся векторы поведенческих ориентаций различных социальных группировок и сообществ; готовность к насилию, закрепленная в литературной и устной традициях; наконец, грубость политической культуры, характерная для всех «этажей» и «квартир» российского государственного дома.

Для того чтобы двинуться по пути культурной интеграции, необходимы и политическая воля верхов, и доверие к ним со стороны экспертных групп, и отчетливо выраженные стремления больших и малых сообществ.

В настоящее время культура современного российского общества не может быть описана как «сумма технологий», взаимно дополняющих друг друга, но как конфликт социальных технологий, фактически парализующий способность общества к установлению и поддержанию нового признанного социального порядка.

1. Бурдьё П. О символической власти // Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С. 87–96 [Электронный ресурс]. URL: http://ec-dejavu.ru/p-2/Power_Bourdieu.html (дата обращения: 02.04.2012).

2. Дубин Б. Культуры современной России // Лекция Бориса Дубина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2008/01/31/culture.html> (дата обращения: 07.01.2011).

3. Левада Ю. А. Культурный контекст экономического действия // Памяти Юрия Александровича Левады / сост. Т. В. Левада. М., 2011. С. 367–380.

4. *Лейбович О.* Социальная природа культурного шока в исторической перспективе // Социальные трансформации в российском обществе. М., 2004. С. 267–276.
5. *Лейбович О.* «Культ преступления, разврата и тотального бесстыдства...» : Историко-культурный контекст происхождения современной культурологии // Понять образование...: Исторические, социологические, антропологические очерки современного образования в России. Пермь, 2009. С. 98–119.
6. *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
7. *Маркс К.* 18 брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2 изд. М., 1957. Т. 8. С. 115–217 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/marx_18.php. (дата обращения: 07.03.2011).
8. Разрывы и конвенции в отечественной культуре. Пермь, 2011.
9. Россияне находятся в Средневековье. 21.04.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://socioline.ru/news/rossiyane-nahodyatsya-v-srednevekovye> (дата обращения: 03.01.2013).
10. *Уайт Л. А.* Энергия и эволюция культуры // Работы Л. А. Уайта по культурологии (сборник переводов). М., 1996. С. 97–125.
11. *Файнбург З. И.* К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития (Некоторые проблемы методологии) // Проблемы теории культуры в системе общественных наук. Вып. 1. М., 1976. С. 25–30 (Экспресс-информация).
12. *Файнбург З. И.* Смена исторического типа культуры в условиях современности (некоторые вопросы методологии проблемы) // Изв. Северокавказ. науч. центра высшей школы. Общественные науки. 1978. № 1. С. 28–4.
13. «Эльфы» и «сибиряки» могут пополнить список национальностей Росстата. 2011. 5 апр. 18:32 [Электронный ресурс]. URL: http://novosibirsk-news.ru/global_stories/1067 (дата обращения: 06.04.2012).
14. *Bauman Z.* Culture as Praxis. New edition. L. ; Thousand Oaks ; New Delhi, 1999.
15. *Blanc M.* Cultural Policies against Social Inequalities in “Disadvantaged” Neighbourhoods: the French politique de la ville in Strasbourg // Soziale Ungleichheit, kulturelle Unterschiede: Verh. des 32. Kongr. der Deutschen Ges. für Soziologie in München. Teilbd. 1 und 2. Rehberg, Karl-Siebert (ed.); Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2006. S. 2907–2914. [conf. paper] [Electronic resource]. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-143291> (дата обращения: 20.03.2013).
16. *Bourdieu P., Passeron J-C.* Les Héritiers: Les étudiants et la culture. P., 1964.
17. *Fumaroli M.* L'Etat culturel: Essai sur la religion moderne. P., Fallois, 1991.
18. *Kroeber A. L., Kluckhohn C.* Culture: A critical review of concepts a. definitions. Papers of the Peabody museum of American archaeology a. ethnology 47. Cambridge (Mass), 1952.
19. *Suhan_ilich | 2007-09-28* [Electronic resource]. URL: <http://fantlab.ru/work21669> (дата обращения: 06.03.2012).

Рукопись поступила в редакцию 7 ноября 2013 г.